

Абдуллина Л.И.

Тема: «Породненное звучанье»: Абай в переводах Е.В. Курдакова

На каждой новой волне интереса (а это, как правило, связано с очередной юбилейной датой) к творчеству национального акына Абая Кунанбаева возникают литературные споры вокруг «правильности» перевода. Здесь как раз и кроется суть спора: а что считать «правильным»? Ряд исследователей полагают, что чем ближе к оригиналу, тем «правильнее». Другие убеждены: при переводе приходится отступать от буквального перевода, который непонятен читателю иной языковой культуры. Еще сложнее обстоит дело с поэтическим текстом, несущим с собой лирическую традицию.

Что же происходит с оригинальным текстом после его литературной обработки другим автором?

Есть мнение, что Е.В. Курдаков как переводчик признан в литературном мире одним из лучших поэтов, кто донес до русскоязычного читателя красоту поэтического слова Абая, великого казахского классика конца XIX века.

История переводов творчества Абая по объему уже давно превысила непосредственно само наследие поэта. Задолго до переводов Е.В. Курдакова благодаря кропотливому труду многих талантливых переводчиков русский читатель узнал и полюбил Абая. В переводческой практике поэзии Абая, как справедливо отмечает семипалатинский исследователь Т.М. Демежанов, сложились две тенденции. Первая связана с попытками как можно ближе передать все нюансы и оттенки его образов, воспроизвести в деталях их национальный колорит преимущественно через этнографические и бытовые реалии. Это стремление к абсолютной точности значений оригинала зачастую приводит к разрушению стихотворной формы, которое неизбежно влечет за собой искажение смысла поэтического произведения.

Другая тенденция заключается в стремлении выразить общечеловеческое у Абая, передать не столько букву, сколько дух его поэзии, вступить с ним в творческий диалог. Именно таким подходом, на наш взгляд, отличаются переводы восточно-казахстанского поэта Е. Курдакова, в которых «стихи Абая предстают в бережном и талантливом исполнении, позволяющем насладиться загадочной, мудрой, очень непростой восточной поэзией в полной мере и на достаточном уровне».

Что же удалось Курдакову?

Ответ находим из признания самого Евгения Васильевича: «Абай мне как бы подсказал, как нужно переводить и его самого. Я его познал как великого, гениального учителя перевода».

Чтоб в гуле породненного звучанья,
Не противостоя, не снисходя,
Переводить дыханье на дыханье,
Как жить, дыханья не переводя.

Ключевая фраза: «Переводить дыханье на дыханье», видимо, этому Абай «научил» Курдакова. И в этом, по моему мнению, кроется «секрет» высокой оценки курдаковских переводов.

Интересна такая биографическая деталь: Курдаков, работая над переводами, проводил по нескольку дней на родине акына, в его ауле. Подобные факты известны в биографии многих известных писателей, поэтов, которые по возможности посещали те места-окрестности, где жили их персонажи — авторы или их герои.

Что мог увидеть Е. Курдаков в Жидебае на рубеже 20-21 веков?

Что помогло ему понять, а затем перевести для русского читателя поэтическую мысль казахского акына конца 19 века?

Ищу и я хоть какую-то информацию о том, как выглядит земля Абая сегодня. Вот несколько деталей-описаний недавних посетителей Жидебая: «убаюкивающий, без единого деревца и холмов степно» пейзаж»; «словно неспешный караван верблюдов, на двадцать километров протянулись горы Чингистау с запада на восток; приземистые, невысокие — самая крупная вершина Хан чингис; «каждый, кто побывал на этой земле, словно заново перелистывая знаменитый роман-эпопею М. Ауэзова «Путь Абая», увидит дорогу на Семипалатинск, идущую бескрайнюю степь, мимо сопки, похожих на тымактобыктинцев, одинокую вершину Кокен, встречающую странников на их пути, родник, бьющий среди красноватых камней...».

Степь... «степь без краев, редкие сопки, родник среди камней...».

А вот еще описание:

«В маловодной степи, где появляются сопки, зарождаются ручейки и здесь до поздней осени зеленеют луга. Дорогу на Жидебай пересекает «Соленая речка» – Ашысу. Весной бурная, полноводная с большими разливами, к осени она чуть заметным ручейком светлеет меж глинистых берегов. Здесь, у реки, юный Абай с друзьями охотился за дрофами, утками и гусями.

Взгляд у степи женский: то встречает гостей, как невеста возлюбленного – веселая и счастливая, то провожает с упреком, грустным взглядом вдовы... то взгляд у нее «полудикой» найманки – гордый, надменный. А сколько песен сложили о ней акыны! Ее прошлое описывали историки, блеском эпитетов воспевали поэты, живописали художники, ею восторгались и путешественники, но только дети Степи – кочевники, доверившись материнскому взгляду, навсегда отдали ей свои сердца... Нет у дали степной ни границ, ни края. Она бесконечна, словно прославляющая ее песнь жаворонка. За Каскабулаком начинается долина Ералы, неоглядная, глазу не за что зацепиться, разнообразие вносит лишь сиротливый Мазар вдали да юрта у родника... И снова степи и холмы до такой же безлюдной долины Аркат, до кряжей Большой и Малой Орды, за которыми в огромной низине находится Жидебай, простирающаяся до гор хребта Шынгистау».

Такой видится Степь тому, кто хоть немного знаком с творчеством и биографией Абая. Кто изучил его «путь» и научился смотреть на все глазами поэта. Вспоминаются слова Абая: «видят мудрость только зрячие сердца»!

В природе «породненного звучанья» Абая и Курдакова неслучайны биографические совпадения: оба поэта начали писать стихи в 40 лет. Абай ставит свое имя под собственными стихами в этом же возрасте. При всех исторически разных контекстах, это зрелый возраст: за плечами годы мечтаний и разочарований. Е.В. Курдаков своей ставшей знаменитой «Балладе перевода» предпосылает эпиграф: «Прожитое, не сном ли оказалось...». Это из стиха Абая 1901 года.

Обратимся к смыслу названия курдаковской поэмы «*Баллада перевода*». Фольклорный термин «баллада» рождает ряд ассоциативных образов-значений. Это и отсылка к национальной культуре (пересечение казахского и русского фольклора — и песня, и сказ). Лирическая песнь передает личность автора-поэта. Эпос воспроизводит и запечатлевает исторические этапы народной жизни! Так усиливается значимость поэтического слова во все времена благодаря сближению личной судьбы поэта и эпического характера эпохи!

В переводах Абая Курдаковым внимательный читатель увидит не ответ на социальный заказ, не профессиональное любопытство или дань уважения. Образ «Баллада перевода» подсказывает и объяснение поэта нового времени открыть, в первую очередь! для себя казахского гения.

Переводчик, как и оригинальный автор, нуждается в поисках жизненных ситуаций, схожих с теми, которые ему предстоит воссоздать на своем языке, а также в поисках соответствия оригиналу в своем опыте чувств. Е. Курдаков признается: «Поэтический перевод — это глубинное, взаимное сотворчество, суггестивная волна, которая две судьбы сливает в единую».

«Баллада перевода», где лирический герой воплощает и образ Абая, размышляющего о своей жизни, и образ современного поэта, близкого ему по духу:

Я трогаю струну, но то не лира.
И снежный ветер глушит песнь мою.
В пустынном, азиатском сердце мира
Воистину пустыне вопию.

В одном из интервью Е. Курдаков формулирует свое переводческое кредо: «Я попытался дать русский художественный адекват поэзии Абая. И судья здесь русский читатель. Именно он сможет полюбить Абая за равное художественное воплощение. Я поставил себе предельную задачу — дать адекватное художественное прочтение стихов Абая». В поэтических строчках это звучит так: и в «гуле породненного звучанья».

Не противостоя, не снисходя,
Переводить дыханье на дыханье,
Как жить, дыханья не переводя.

На примере одного перевода критик Т.М. Демежанов приоткрывает «лабораторию» перевода, которую представляет «работа» Курдакова с текстом оригинала. Это знаменитое стихотворение Абая «Осень» извсем известного цикла «Времена года». Е. Курдаков не стремится к обязательной передаче национальных образов мира, колоритных этнографических картинах, нарочитой стилизации под Восток или казахскую образность. Интерпретация «Осени»

переводчиком основана, с одной стороны, на принципиальной многозначности художественного образа: «осень» — время года и время жизни. С другой стороны, наиболее созвучна с душевными ощущениями и поэта, и переводчика.

Замена нюансов и оттенков ярмарочного каравана в тексте-оригинале на ключевой в творческом мире Е.Курдакова образ улетающих птиц становится объяснимым и понятным в мировосприятии обоих поэтов:

И только отлетающие стаи,
Спешащие к теплу иной страны,
Аулам остающимся бросают
Гортанный клик прощанья до весны.

В отличие от других переводчиков, видевших в «Осени» социально-бытовую зарисовку, Е. Курдаков сосредотачивается на философских настроениях, размышлениях и раздумьях о жизни. И для русскоязычного читателя образы «автора» и «переводчика» объединяются в одном лирическом переживании, отраженном и в сознании самого читателя.

Характерно признание самого поэта: «Переводить Абая трудно. И не только потому, что он уже и для современников был «загадкой», как отмечал сам поэт, и не потому, что он как новатор, перенасыщал лексику, широко применял непривычные размеры и метры. Трудности усугубляются еще и тем, что казахский язык с его агглютинативной структурой компактнее русского и без некоторых купюр в переводах попросту не обойтись».

Этим объясняются отклонения от оригинала, известные в истории и практике перевода. В курдаковском тексте они свидетельствуют о том, насколько глубоко переводчик сумел проникнуться духом оригинала, и как бы развивают и разъясняют авторскую мысль. При этом ему удалось сохранить национальную принадлежность стихотворения, непосредственно абаевскую интонацию.

Возвращаясь к тексту «Баллады перевода», хочу обратить внимание на характерный для переводческой манеры Курдакова прием: буквально двумя строчками передать глубину личной трагедии Абая после потери сына:

И умер сын... Снег черный, как несчастье,
Метет сквозь жизнь, — и изменяет брат...

В поэтически емкой интонации мы слышим проникнутую драматизмом непонятую никем из современников судьбу обоих поэтов:

Прошла любовь, надежды отгорели,
И жизни бестолковая байга
Оставила, как эти вот метели,
В душе лишь беспросветные снега.

Дымят кочевья, кони снег копытят,
И бродят псы за ветреным холмом.
И мир уже почти не любопытен,
Он противоречив в себе самом...

...А в Жидебай 21 столетия тянется нескончаемый людской поток. Идут

люди к Абаю, заходят в его дом, видят предметы, которые держал он в руках, его домбру на стене.

И, может, среди посетителей — новый переводчик: не лучше — просто другой — он увидит еще не обозначенные в предшествующих переводах грани поэтического слова национального Пророка.

Мне кажется, в этом смысл курдаковская, состоящая из условно пяти маленьких, самой короткой из пяти «главы» Баллады: «5. Перевожу поэта...». История перевода не кончается:

Судьба поэта тоже назиданье

Умеющим читать ее с конца.

Безгранично, как степь, слово Абая, и в поиске смысла нет последней станции на нашем пути к Поэту...

Постигая его, мы постигаем себя:

Кочует род вдоль низких гор Чингизских,

Как год назад, как пять, как жизнь назад... (Е.Курдаков)